

По правде говоря, в первое время после перемещения Инь Цичи было довольно непросто привыкнуть к новой жизни. Лишь спустя значительный срок он начал постепенно вливаться в этот новый, непривычный ритм.

Здесь всё казалось слишком мирным.

На улицах не валялись бездыханные трупы, не мелькали громилы-вышибалы, жестоко выбивающие долги, а в темных переулках не встречались ни изможденные наркоманы, ни раскрашенные девушки с вызывающим макияжем. Даже привычные бандитские разборки и безумные маньяки-убийцы здесь словно отсутствовали. Куда бы он ни посмотрел, повсюду царил лишь покой и абсолютная безмятежность.

Даже те, кто открыто враждовал с ним и вступал в бой, постоянно озирались по сторонам и действовали с какой-то странной нерешительностью, будучи вечно озабоченными соблюдением неких «правил», сохранением «репутации» и возможными «последствиями». Безусловно, их желание прикончить его было вполне искренним, однако даже в этом они предпочитали действовать строго по установленному протоколу.

Взглянув на экран детектора, где за ними по пятам следовали полтора десятка ярко-красных точек, Инь Цичи не смог сдержать едкой усмешки.

- Что такое? - спросил Цзян ХаньЯ, почувствовав внезапный эмоциональный всплеск Инь Цичи.

Инь Цичи честно ответил: - Есть ощущение, будто я вернулся в родные края.

Там, в его прошлом, ради наживы и простого выживания люди, даже не питая друг к другу никакой личной неприязни, готовы были грызть друг другу глотки, подобно самым примитивным и свирепым зверям.

Цзян ХаньЯ посмотрел на него и коротко бросил: - Я прикрою тебя.

Инь Цичи изогнул губы в легкой улыбке: – Премного благодарен.

За пределами города раскинулся густой лес, в тени которого Цзян ХаньЯ и Инь Цичи решили подготовиться к предстоящему бою. Впрочем, называть это «подготовкой» можно было лишь весьма условно, ведь сам Цзян ХаньЯ совершенно не собирался принимать непосредственное участие в грядущей схватке.

Всего лишь полтора десятка практиков, находящихся на стадии возведения основания. Инь Цичи в данный момент пребывал на том же уровне, а учитывая, что он успел поглотить почти половину редких сокровищ из тайного владения семьи Инь, расправа над ними не должна была составить для него никакого труда.

Быть непобедимым среди тех, кто равен тебе по уровню, – это базовый, почти обязательный навык любого истинного гения. Цзян ХаньЯ же пошел гораздо дальше: он оставался недостижимым даже для гениев своего уровня. Не говоря уже о пятнадцати нынешних врагах, он мог бы в одиночку и без труда расправиться с двумя десятками противников, равных ему по силе. И если бы Инь Цичи не сумел продемонстрировать нечто подобное, Цзян ХаньЯ был бы глубоко и искренне разочарован.

Весь интерес, который Цзян ХаньЯ проявлял к Инь Цичи, основывался на одном-единственном, но критически важном пункте. Согласно книге, Инь Цичи был тем самым могущественным практиком, способным в будущем достичь стадии великого императора, и единственным, кто мог бы стать по-настоящему достойным соперником для самого Цзян ХаньЯ. Если же окажется, что это не так, то Цзян ХаньЯ больше не станет тратить на него ни секунды своего драгоценного времени.

Он совершенно не скрывал своих истинных намерений и нисколько не заботился о том, что о нем может подумать Инь Цичи. После этого короткого периода совместного пути их дороги неизбежно разойдутся, а следующая встреча, скорее всего, произойдет лишь спустя триста лет – и тогда они сойдутся в одной решающей и смертельной битве.

Разумеется, главным условием для этой будущей битвы было то, что Инь Цичи действительно окажется тем самым великим практиком, о котором говорилось в книге. Предстоящая «разборка» служила своего рода проверкой. Если Инь Цичи не сможет самостоятельно справиться с этими людьми, Цзян ХаньЯ без малейших колебаний отвернется от него и больше не окажет никакой поддержки.

Он намеревался помогать лишь тому, кто станет его будущим соперником. Если же Инь Цичи окажется не тем, за кого себя выдает, то какой смысл тратить на него свои силы?

Инь Цичи, разумеется, прекрасно всё это понимал. Именно поэтому он вел себя столь вызывающе, намеренно приманив за собой полтора десятка преследователей. В противном случае, если бы его единственной целью была нажива, он легко нашел бы тысячи куда более безопасных и скрытных способов добиться своего.

Изначально на столь примитивную приманку вряд ли клюнуло бы большое количество людей. Однако авторитет Цзян ХаньЯ, который просто стоял рядом, был неоспорим и подавлял любую волю к сомнению. В конце концов, хотя всё их нынешнее поведение было лишь частью игры, этот молодой господин был настоящим.

Инь Цичи прикрыл веки, сосредоточенно прислушиваясь к собственному учащенному сердцебиению. В этот момент в его памяти всплыл горький опыт подпольных боев на арене. После установки искусственных глаз он, к несчастью, попал в те злополучные пять процентов случаев, когда организм начинает яростно отторгать импланты. Единственным слабым утешением было то, что реакция оказалась относительно мягкой и не требовала пожизненного, изнурительного лечения. Однако, чтобы оплатить раздутые счета за медицинские услуги, ему пришлось, как и многим другим отчаявшимся людям, отправиться на кровавую подпольную арену.

Он до сих пор отчетливо помнил тот бой: «Мистер „Мне-нужно-лечение“» против «Мистера „Должника“». Никакого оружия, обнаженные тела, дешевые, низкосортные импланты, предоставленные организаторами ради призрачной честности поединка, и самые примитивные, жестокие способы борьбы. Правила были просты и беспощадны: пока один из противников не умрет, поединок не считался оконченным.

Тесное, душное пространство, ослепляющий свет прожекторов, спертый жаркий воздух и оглушительный, сводящий с ума рев трибун. Резкая боль от трения дешевого металла имплантов о живую кожу и густой вкус крови во рту. В конце концов Инь Цичи одержал победу. С учетом полученной награды и ставок, которые он отважно сделал на самого себя, он не только полностью оплатил лечение, но и получил достаточно средств, чтобы в течение полугода выплачивать кредит за импланты. Правда, даже после того, как он выплюнул последний сгусток крови, тяжелый, металлический привкус железа не покидал его рот еще целую неделю.

Однако называть этот опыт травмирующим было бы явным преувеличением. Честно говоря, в его душе не осталось никаких глубоких шрамов. Смерть в том мире была делом привычным, почти обыденным. Напротив, он даже чувствовал благодарность к судьбе. Те лишние деньги он не стал откладывать на черный день, а пустил в дело, чтобы пробиться в крупную банду и занять место помощника техника. Именно это решение стало той самой отправной точкой,

которая определила всё его дальнейшее будущее. Это был самый важный, судьбоносный поворотный момент в его жизни.

Красные точки на радаре стремительно приближались. Инь Цичи открыл глаза.

Поединок начался.

В этом раунде участвовали «Мистер „Жажущий-признания“» против «Мистеров-грабителей». И в этом поворотном моменте он тоже победит. Точно так же, как и тогда. Победит, чтобы получить новую отправную точку для своего будущего.

Кан Мяо первым ворвался в густую лесную чащу. В глубине души он насмешливо усмехнулся: неужели эти двое идиотов всерьез полагали, что смогут сбежать, просто спрятавшись в лесу? Какая наивность. Вскоре он увидел их: двое стояли на небольшой, залитой светом поляне. Одетый в белоснежное одеяние, исполненный природного достоинства молодой господин с ледяным выражением лица опирался на меч, прислонившись спиной к дереву. Его слуга стоял впереди, уже приняв боевую стойку.

Кан Мяо остановился. На мгновение в лесу воцарилась абсолютная тишина. Резкий порыв ветра пронесся по кронам, срывая с веток пожелтевшие листья, которые медленно закружились в воздухе. Остальные преследователи временно затаились в тени. «Богомол ловит цикаду, а иволга следит за ними обоими» – они предпочли выждать подходящий момент, чтобы поживиться за чужой счет.

Кан Мяо прекрасно понимал эту тактику, поэтому думал не о том, как именно победить слугу, а о том, как максимально быстро прибрать к рукам добычу и скрыться. Он быстро прикинул шансы: слуга находился лишь на начальной стадии возведения основания, а молодой господин и вовсе не имел никакой культивации, будучи обычным человеком. Опасаться здесь было совершенно нечего.

– Господа, – произнес он. – Вы прекрасно понимаете ситуацию, так что не будем тратить слова попусту. Если вы добровольно отдадите половину своих богатств, я помогу вам благополучно сесть на корабль. Как вам такое предложение?

Кан Мяо самодовольно улыбался, медленно приближаясь к ним: – Я тоже не хочу портить наши отношения.

- Ты так заботлив, - мягко, почти ласково проговорил Инь Цичи. - Но у меня есть встречное предложение. Если ты отдашь всё, что у тебя есть, я, так и быть, пощажу тебя. Что скажешь?

Кан Мяо холодно и громко рассмеялся: - Не хочешь по-хорошему - будет по-плохому! Тогда не вини меня!

Он не впервые грабил и убивал, так что никаких угрызений совести не испытывал. Всего лишь новичок на стадии возведения основания, он легко с ним... Хм?

Кан Мяо с нескрываемым изумлением обнаружил, что его клинок оказался намертво зажат между двумя пальцами противника. Что, черт возьми, происходит?!

Не успел он даже осознать случившееся, как в области шеи вспыхнула острая, пронзающая боль, а затем сознание начало стремительно угасать, и он провалился в небытие. Перед тем как окончательно погрузиться в непроглядную тьму, он успел осознать одну простую вещь:

Его обвели вокруг пальца!

- Бинго! - улыбнулся Инь Цичи. - Угадал! В качестве награды - шанс на перерождение.

- Шанс выпадает нечасто, так что постарайся им воспользоваться, ладно?

<http://bllate.org/book/17943/1720836>